

«ВСЕ ДЛЯ ДЕЛА – НИЧЕГО ДЛЯ СЕБЯ»

Кто такие Рябушинские? Что мы знаем о них? Сколько их было, один или несколько? Ну, положим, особняк на малой Никитской постройки Шехтеля, в котором позже жил Горький, у всех на слуху и на виду. А дальше?

Братья Рябушинские

Итак – БРАТЬЯ РЯБУШИНСКИЕ. А было их восемь, невероятно талантливых, оставивших неизгладимый след в истории русского меценатства, воистину государственных людей.

Дед их, Михаил Яковлев, уроженец Ребушинской слободы Калужской губернии, прошел путь от бобылей (не имеющих надела крестьян) до купца второй гильдии, это про него будет сказано: «Думается, что лиц, обладавших 1000 рублями, имелось много тысяч, но создавших из них в течение сорока лет работы 2 000 000 рублей, очень немного, и они своим счетом едва ли заполнят один десяток». У Михаила Яковлева была железная воля, соединенная с мировоззрением хозяйственного мужика: «ВСЕ ДЛЯ ДЕЛА – НИЧЕГО ДЛЯ СЕБЯ», – скажет он, и это станет девизом рода Рябушинских.

В 1820 году он подаст прошение об изменении фамилии Яковлев на фамилию Ребушинский, позже ставшую Рябушинский. К детям относился сурово, книжного воспитания не признавал, считая, что лучший учитель – жизнь. Как-то раз, услышав в доме звуки скрипки, разыскал на чердаке второго сына – Павла – с инструментом в руках. Бедная скрипка тут же была разбита о стропила: «Я тебе покажу это беговое занятие! Ты – купец! Ты – Рябушинский!».

Сын после этого и думать не смел продолжать свои тайные уроки у какого-то нищего француза. После разорения 1812 года, как всегда бывает после сильных общественных потрясений, русское общество переживает период религиозных исканий. В московском купечестве эти искания вылились в усиленный

переход из господствующей церкви в старообрядчество.

Родовая икона Рябушинских – «Богоматерь Одигитрия Смоленская».

«Не крепко то, что неправдой взято. Не удержишь, да и души своей не соблюдешь». Так закладывались устои рода Рябушинских.

Сын его, Павел Михайлович, во многом походил на отца, превосходя его умом и талантом. Воспитывался дома, без всякой системы, с пятнадцати лет работал в лавке отца, постигая тайны ведения бухгалтерских книг. Самостоятельно изучил мануфактурное дело и мог замещать отца при устройстве фабрик в Калужской губернии. Историю со скрипкой в детстве мы уже знаем. Но это увлечение не прошло бесследно. Павел Михайлович очень любил театр и часто принимал у себя актеров Малого театра. Он был счастлив в браке, и все восемь его сыновей составляют гордость России, ибо были они создателями по духу своему.

После смерти отца, Павла Михайловича, главой клана стал старший сын, Павел Павлович, перед авторитетом которого всегда беспрекословно склонялись все младшие братья и сестры. Потрясающая внутрисемейная дисциплина! Павел прославился как миллионщик-политик, которого ненавидели и царица, и большевики. Идеолог молодой российской буржуазии, Павел Павлович воевал и с правительством. На одном из выступлений он вдруг выкрикнул: «Одна надежда, что наша великая страна сумеет пережить свое маленькое правительство!» На обеде в честь приехавшего в Москву премьер-министра Павел поднимает тост не за правительство, как тре-

бовалось по протоколу, а за русский народ. Городская глава в бешенстве: «Московских купцов мало жгли в пятом году, они еще не образумились. Вот дворяне – им въехали порядочно, они и протрезвились». «Странная и своеобразная фигура – этот московский миллионер, – пишут о нем «Биржевые ведомости» (15 июня 1915 года), – нечто среднее между старообрядческим начетчиком и английским дельцом. Находясь в самой гуще политической борьбы и прекрасно понимая неизбежность смуты, он не только продолжает развивать дело, но и призывает к этому и других».

«Мы знаем, что естественное развитие жизни пойдет своим чередом. И к сожалению, оно жестоко покарает тех, кто нарушает экономические законы. Поэтому, господа, мы поневоле вынуждены ждать. Это катастрофа, этот финансово-экономический провал будет для России неизбежен, если мы уже не найдемся перед катастрофой. И тогда, когда она станет для всех очевидной, только тогда почувствуют, что шли по неверному пути. Мы чувствуем, что то, о чем я сейчас говорю, является неизбежным, но, к сожалению, нужна костлявая рука голода и народной нищеты, чтобы она схватила за горло уже друзей народа, членов разных там комитетов и советов, чтобы они опомнились. В этот трудный момент, когда надвигается смутное время, все живые культурные силы должны образовать одну дружную семью. Люди торговые, надо спасать землю русскую!» Раздается гром аплодисментов. Это случилось 3 августа 1917 года в Богословской аудитории МГУ, на открытии Всероссийского торгово-промышленного съезда.

По проекту архитектора Шехтеля в Москве на Путинках строится типография Рябушинских в стиле модерн. Павел Павлович издает газету «Утро». В апреле 1907 года он в административном порядке высылается из Москвы за то, что газета «Утро», несмотря на сделанное неоднократно предупреждение, продолжала держаться противоправительственного направления. Телеграмма брата Дмитрия: «Узнали сегодня об административной тяжелой каре, которая тебя постигла. Выражаем глубокое уважение к твоему твердому и благородному образу дейст-

ПАВЕЛ МИХАЙЛОВИЧ РЯБУШИНСКИЙ
PAVEL M. RYABUSHINSKI

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ РЯБУШИНСКИЙ
PAVEL P. RYABUSHINSKI

вий». А в сентябре Павел уже приступает к изданию своей новой и получившей широкую известность газеты «Утро России». В канун мировой войны на деньги Павла Павловича было снаряжена экспедиция на поиски радия. Вопрос о поиске радия поднял в 1909 году В.И.Вернадский. Осенью 1913 года в особняке Павла на Пречистенке, в присутствии деловых людей, Вернадский прочел доклад о ради и его возможных месторождениях в России. В эмиграцию Павел Павлович приехал уже больным. Прожил совсем немного и скончался во Франции от туберкулеза в 1924 году на 51-м году жизни.

Следующим за Павлом по старшинству шел Сергей. Помимо активного уча-

стия в промышленно-банковской жизни семьи, Сергей Павлович имел и единичное дело. Это, во-первых, Институт педагогики на Рогожках. Он был оснащен новейшими по тем временам методиками и техническими средствами. Об этом мало кто знает, потому что большевики прикрыли это начинание сразу после прихода их к власти. А во-вторых, и это главное, на окраине тогдашней Москвы Сергей вместе с братом Степаном за шесть месяцев (!) на основе Акционерного Московского общества (АМО) создают небольшой автомобильный завод – первый в России. Причем производство устроено таким образом, что при минимальной реорганизации автомобильный завод может производить авиатехнику. Ныне этот завод называется заводом им. И.А.Лихачева. Но на этом таланты Сергея Павловича не кончаются. Он был еще и очень неплохим художником-анималистом. Сам Репин рекомендовал его передвижникам. Рябушинский и выставлялся с ними, и организовывал выставки, и, конечно же, меценатствовал. А также он возглавлял Московский клуб автомобилистов и Московское общество воздухоплавания. Удивительно, что именно эти люди, будучи столпами староверчества, уловили совсем слабые веяния завтрашнего дня: самолет, автомобиль, спорт, туризм. Кстати, следующий брат, Владимир, возглавлял Российское общество по туризму.

«Учился я в Гейдельберге. Оставалось 2–3 семестра, но меня съедала тоска по родине. Несмотря на то, что каждые каникулы я ездил домой, я не выдержал и, махнув рукой на докторат, попросил отца разрешить мне вернуться. Разрешение было получено. Но мой авторитет в семье был подорван. Москва слезам не верит. Это известно. Но Москва и дряблости не выносит и презирает, когда дело не доводится до конца». Впрочем, войдя в семейное дело, Владимир скоро восстанавливает свою репутацию. Член Правления Московского банка, Московской городской думы, а также один из главных работников «Товарищества мануфактур П.М.Рябушинского с сыновьями», Владимир представлял собой талантливого и органичного сплав банкира и промышленника, и

БОГОМАТЕРЬ ОДИГИТРИЯ СМОЛЕНСКАЯ
Вторая половина XIII в. Вологда. 86×63
OUR LADY HODEGETRIA OF SMOLENSK
The 2nd half XIII century, Vologda. 86 by 63 cm

What does the world know about the Ryabushinskis? Not only the passage of time, but also the former rulers of their native country, has done everything possible to erase any trace of this large family from the collective memory of the nation.

"...nothing for ourselves" THE RYABUSHINSKI BROTHERS

СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ РЯБУШИНСКИЙ
SERGEI P. RYABUSHINSKI

ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ РЯБУШИНСКИЙ
VLADIMIR P. RYABUSHINSKI

Almost everybody, however, has noticed at least once the mansion in Moscow on Malaya Nikitskaya street – a pearl of the Russian moderne – built by the world-famous architect Shekhtel: the house had belonged to the Ryabushinskis; following the revolution, it was presented to the proletarian writer Maxim Gorky. That is probably all that is known of them.

It is then more than time to introduce the whole of the family, and thus fill the gap in the historical memory of generations.

There were eight Ryabushinski brothers – all bright, smart, talented builders of Russian industry and enthusiastic and devoted patrons of the arts.

Their grandfather, Mikhail Yakovlev, originated from the Rebushinski suburb village of the Kaluga region; he was a self-made man, who from origins as a landless peasant finally reached the position of merchant of the second guild. Mikhail Yakovlev – a man of strong will with the no less strong character of the Russian muzhik – formulated the Ryabushinski family motto: "Everything for business, nothing for ourselves". Mikhail Yakovlev was a very strict and exacting father who did not believe in education, considering the experience of real life the best teacher for the young generation. After the disastrous year of 1812 Russian society entered a period of religious quest, and among Moscow merchants, the majority became old-believers. In 1820 Mikhail Yakovlev applied to the authorities to change his family name to Rebushinski, and later its spelling became Ryabushinski.

His son, Pavel Mikhailovich, though very much like his father, was evidently cleverer and more talented. He received his education at home and worked in his father's shop from the age of fifteen studying book-keeping. Pavel was his father's

right hand man in the manufacturing business of the Kaluga region.

He became an enthusiastic theatre-goer, and often arranged receptions at home for the actors of the famous Maly Theatre. Pavel Mikhailovich was a happy father of eight sons, who would become outstanding personalities and renowned citizens of Russia. All of them received the best European education, and manifested their diverse talents in the fields of textile and linen production, the publishing business, cotton factories, the timber industry, and in banking – such a list of their business activities remaining far from complete. But each of the brothers had his own particular hobbies and passions.

After Pavel Mikhailovich's death, his eldest son Pavel Pavlovich became the head of the family. He was widely known in pre-revolutionary Russia as a millionaire-politician: embarrassed by political instability, he often tried to lobby the interests of men of industry and trade. Among those who hated him were the Government, the Bolsheviks, and the Tsarina. He claimed in public in Summer 1917, several months before the revolution: "We know quite well that everything will be developing in a natural way, and all those who disobey the laws of the economy will be severely punished. An uneasy period is approaching – this is a sign that all civilized forces should hold together. You, men of trade – unite to save Russia!"

The Ryabushinskis built a new printing house in Moscow (the architect was Shekhtel, and the building was designed and decorated in the Russian moderne style), and started issuing first the paper "Utro" ("Morning"), and then later "Utro Rossii" ("Morning of Russia"). Both papers were anti-government. Before World War I Pavel Pavlovich sent a geological expedition to distant areas of Russia with the goal of finding deposits of radium. That

вдруг... С началом Первой мировой войны, оставив все, он уходит добровольцем на германский фронт. Был ранен в грудь навывлет. Удостоен Георгия 4-й степени. Пишет работу об устройстве укрепительных сооружений. Революция застала его в действующей армии. Далее – он командир сформированного им автомобильного отряда в армии Врангеля. Митрополит Вениамин рассказывал, как в 20-м году к нему бросился офицер с большой темно-русой бородой. «Владыка, я не принадлежу господствующей церкви. Я – старообрядец. Но почитаю и православную иерархию. Благословите! Моя фамилия – Рябушинский. – И сразу, без всякого предисловия, каким-то срывающимся голосом сказал: – Владыка! Мы погибаем, мы такие же большевики, как и они».

А затем наступила парижская эмиграция. Попытки вернуться к семейному делу безрезультатны. В 1925 году Владимир организовал общество «Икона», председателем которого и состоял до кончины. Он публикует десятки статей о русской иконе и истории религии в России. У Владимира Павловича есть замечательный труд под названием «Сравнение языков», где он исследует шесть языков, которыми владел в совершенстве: латинский, греческий, итальянский, французский, русский и английский. К месту добавить, что Геродота он читал в подлиннике, на древнегреческом. Вот такой вот купчишка!

Когда Германия напала на Советский Союз, в эмигрантских кругах распространились слухи о составлении списков имущества, оставленного в России, с расчетом на успехи немецкой армии. Затея эта не понравилась Владимиру. Сохранилось его письмо брату Степану: «Мы, Рябушинские, продолжая традиции незабвенного Паши, должны сейчас думать не о себе, а о России. Если когда-либо настанет необходимость, мы прекрасно вспомним, что нам принадлежало и, конечно же, как честные люди, что мы должны. Сейчас же вся наша энергия должна быть направлена к тому, чтобы поскорее принять участие в работе на пользу русского народа, а на каком месте придется работать – на то воля Божья».

С начала Второй мировой войны, особенно после оккупации нацистами Франции, жизнь русских эмигрантов стала еще тяжелее. Но сотрудничеством с фашистским режимом ни один из Рябушинских себя не запятнал. Владимир Павлович умер в Париже в 1955 году в возрасте 83-х лет.

А теперь поговорим о владельце того самого особняка на Малой Никитской Степане Павловиче. К сожалению, внутреннее убранство особняка претерпело изменения. В парящую, воздушную замысловатость модерна Горький, последний владелец особняка, в прямом смысле въехал с большевистской прямоотой.

СТЕПАН ПАВЛОВИЧ РЯБУШИНСКИЙ
STEPAN P. RYABUSHINSKI

Но остались нетронутыми фасады и сад, посаженный еще при жизни.

Степан Павлович остался в русской истории не только и не столько как предприниматель, активно работающий в семейном бизнесе, но прежде всего как коллекционер. Только по каталогам Третьяковской галереи, куда после революции перешла часть собрания, значится пятьдесят семь икон XIII–XVII веков, принадлежащих Степану. Наиболее ценные находились в храмах Рогожского кладбища, с которыми тесно была связана жизнь собирателя. Сюда он передал икону Богородицы Одигитрии Смоленской, которую после реставрации 1812 года запрещалось, как наиболее ценный па-

мятник старины, переносить из одного храма в другой. Уже одной коллекции было бы довольно, но Рябушинские есть Рябушинские, и масштаб их деятельности воистину впечатляет. В марте 1905 года старший брат, Павел Павлович, будучи председателем старообрядческой общины Рогожского кладбища, покупает участок в 3-м Ушаковском переулке и жертвует эти земли на строительство храма Покрова Пресвятой Богородицы. Далее в дело вступает Степан. Он не только жертвует колоссальные суммы на постройку храма: весь иконостас, представляющий огромную художественную и археологическую ценность, состоит из подлинных древних икон из собрания Степана Павловича. Он становится председателем Остоженской старообрядческой общины. В 1998 году храм восстановлен. Поразительны все-таки эти старообрядцы Рябушинские, жившие в стиле модерн и обгонявшие время. В эмиграции Степан сотрудничал с Владимиром в обществе «Икона», написал работу по реставрации икон и умер в 1942 году в Италии в возрасте 68-ми лет.

Николая Павловича дома звали Николаша. Он считался беспутным и ничемным человеком. Если хотели братья укорить друг друга за неразумность, то говорили: «Ну я понимаю, если бы это Николаша сделал, но ты-то!» Николай действительно прожил богемную жизнь с купеческим размахом. Семейное дело его не интересовало: он сразу же вышел из него, забрав свою долю капитала. По духовному завещанию отца ему причиталось 400 тысяч рублей. Получив их, в течение трех месяцев прокутил чуть ли не половину. Главной статьей расходов явилась певица кафе-шантана Фажет. Одних драгоценностей он купил ей на 45 тысяч рублей, не считая роскошных обедов и катаний на лихачах. Юноша срочно был взят под контроль родственников. На деньги, получаемые от братьев, он побывал в самых экзотических странах – Японии, Гонконге, охотился на фазанов в Китае. Современники относились к нему по-разному. Одни считали, что он был неординарен, другие видели в нем заурядного купчишку. Но в нем была заложена не-

was the result of his informal communication with the outstanding Russian scientist V. I. Vernadsky, who was invited to Pavel Pavlovich's house to lecture to the most prominent Russian businessmen about radium and its probable deposits in Russia.

After the revolution Pavel Pavlovich emigrated to France. He was severely ill, and died in 1924 from tuberculosis, at the age of only 50.

The second son of Pavel Mikhailovich Ryabushinski was Sergei. Always active in the family business (industry, trade, banking, etc.), he also made investments according to his own interests including the Institute of Education, well-equipped with the most up-to-date and advanced educational methods and technologies. Few remember this Institute today, since the Bolsheviks closed it down soon after the revolution.

Sergei's second, and beyond doubt most important, investment was the construction of a car factory near Moscow, which he started with his brother Stepan. The factory was built in only six months, with car production organized in such a way that only a slight reorganization was needed to produce aeroplanes. This plant was the best in Soviet Russia. Sergei Ryabushinski headed the Moscow Motorists' Club and the Moscow Society of Aeronauts. In addition, Sergei Pavlovich was a talented artist, who was recommended by Repin himself to join the Union of Russian realistic painters, the *peredvizhniki* (wanderers). Ryabushinski took part in, and was one of the organizers of their exhibitions, and of course frequently acted as a patron of the arts.

The fascinating impression we receive is that these people, although pillars of the old-believers' community, were able to catch the slightest and most subtle signs of developments to come in the future: airplanes, automobiles, sports and tourism.

On the last note, Sergei's younger brother Vladimir was the head of the Russian Tourist Society.

Vladimir Pavlovich studied at the Heidelberg University. He entered his family business and became a member of the board of Moscow Bank, of Moscow City Council, and of "P.M. Ryabushinski & Co. Manufacturing". A real combination of all possible talents, Vladimir took the sudden

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ РЯБУШИНСКИЙ
NIKOLAI P. RYABUSHINSKI

and decisive decision to leave the family business, and at the very beginning of World War I volunteered for the army. He was wounded and awarded the Order of St. George IV class, later writing an article on defence constructions. Vladimir was at the front when the revolution broke out, and subsequently became a commander of an automobile regiment (which was organized by him) in the White Army under Vranghel.

He emigrated to Paris, where all his attempts to start a business proved futile. In 1925 Vladimir founded the "Icon" Society, remaining its president until his death. He published dozens of articles on the Russian icon and on the history of religion in Russia; as a polyglot, he wrote a brilliant research work, "On the Comparison of Languages" (Latin, Greek, Italian, French, Russian and English). His life as an immigrant was often awful, afflicted by poverty, sometimes hunger, and the Nazi occupation... None of the members of the large Ryabushinski family collaborated with the Fascist regime. Vladimir Pavlovich survived all these hardships with a noble dignity, and died in 1955 at the age of 83.

The mansion on Malaya Nikitskaya street in Moscow is a major part of the heritage of Stepan Pavlovich; indeed, it remains uncertain whether Shekhtel would ever have realized himself as an architect without the patronage of the Ryabushinskis. Of course, the interior of the mansion was later

altered by its last owner, Gorky, who changed it according to his needs, with the result that the light sliding lines of the moderne style were sometimes broken; however, the facade and garden were unchanged. Stepan Pavlovich has entered Russian history not only as an entrepreneur and businessman, but principally as a collector. A part of his collection – 57 icons of the 13th-17th centuries – is listed in the catalogues of the Tretyakov Gallery, which received them after the revolution. The most valuable icons were in the cathedrals of the Rogozhskoye cemetery in Moscow. In 1905 the elder brother Pavel Pavlovich bought a plot of land and donated it to the church for the construction of the Cathedral of the Intercession of the Holy Virgin there. His brother Stepan offered great sums of money towards the construction of the Cathedral, with an iconostasis of unprecedented artistic and archeological value, which incorporated original ancient icons from his private collection (the Cathedral was restored in 1998). In immigration Stepan collaborated with his brother Vladimir in the "Icon" Society, writing a paper on icon restoration. He died in 1942 in Italy at the age of 68.

Nikolai Pavlovich – he was called Nikolasha at home – was considered a dissipated and useless man in this family of old-believers. Nikolai lived a bohemian life, complete with the genuine extravagance and wastefulness of a rich merchant: he took his share of the family capital and managed to spend almost half of it over just three months (Nicolasha spent money on a cafe-singer *Fagette*), and the young man was immediately taken under the control of the family. Nikolasha used the money received from his brothers on travels, visiting such exotic countries as Japan, Hong-Kong, and China (where he took part in pheasant shooting). Some people appreciated him as an extraordinary personality, while others saw in him an ordinary wasteful merchant. Without doubt he was talented, writing short stories and novelettes in the then-fashionable decadence style. Alexandre Benois – the artist and art theoretic, organizer of the Union of Russian Artists – saw in young Nikolai Ryabushinski the personification of the golden calf on which pure art was dependent. But in 1905 the magazine

сомненная талантливость. Он пишет рассказы и повести в модном декадентском стиле. А вот выдержка из письма Лансере-Бенуа: «Рябушинский побывал у нас всех, всем как личность очень не понравился, пшют, ужасно надушенный, до вечера пахло в комнатах, смесь наивности и хвастовства». Бенуа поначалу увидел в молодом Николае Рябушинском олицетворение золотого тельца, на поклон к которому вынуждено идти высокое искусство. В письме Сомову он пишет: «Принужден ожидать нашего нового мецената. Вчера он побывал здесь на огромном автомобиле. Хорош ваш Рябушинский! У нас теперь такое безрыбье, что даже этот вздутый моллюск может сойти за рыбу. Почему мы так и не получили нашего Третьякова, нашего Мамонтова!»

А Николаша тем временем в Петровском парке строит изящную виллу под названием «Черный лебедь» (архитектор все тот же Шехтель) и наслаждается обществом богемных гостей.

Но Николай не был бы Рябушинским, если бы жизнь его ограничилась только блажью да пирушками. В январе 1905 года выходит в свет журнал «Золотое руно». «В грозное время мы вступаем в путь, кругом кипит водоворот обновляющей жизни. Мы не отрицаем ни одной из задач современности, но мы твердо верим, что жить без красоты нельзя. Вместе со свободными учреждениями надо завоевать для наших потомков подлинное, ярко озаренное солнцем творчество. Во имя той же грядущей жизни мы, искатели «Золотого руна», развертываем наше знамя!» Редактор и издатель – Николай Павлович Рябушинский. В журнале печатались Бунин, Бальмонт, Андрей Белый, Блок, Волошин.

Журнал Николая Рябушинского в течение нескольких лет был признанным центром русского символизма. Из воспоминаний современника: «Николашу, как называли его в Москве, всерьез не принимали, но он оказался хитрее своих братьев, так как прожил все на родине». И несмотря на это, умудрился безбедно жить в Париже, в войну отсиделся в Монте-Карло и скончался в 1951 году в возрасте 74-х лет.

МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ РЯБУШИНСКИЙ
MIKHAIL P. RYABUSHINSKI

Михаилу Павловичу было два года, когда родители привели его на открытие промышленно-художественной выставки. Оркестром дирижировал сам Антон Рубинштейн. С младенчества Михаил Рябушинский очень чутко воспринимал красоту. В двадцать лет он начинает собирать коллекцию живописи, которая сделала его самым знаменитым из братьев. В отличие от Павла, Николая, Дмитрия, бывших всегда на виду и слывших возмущениями спокойствия, он находился постоянно в тени. Серьезные банкиры не любили известности. Богатство обязывало относиться ко всему осторожно и солидно. Счета из книжных магазинов свидетельствуют, что только в 1910–1911 годах он приобрел изданий по искусству на несколько тысяч рублей. Потомок калужских мужиков сумел стать знатоком искусства, но и хватку сохранил. Через Валентина Серова, меценатом которого он был, сделал предложение жене художника Врубеля выслать в Москву неоконченную картину «Демон». Родственники Врубеля назначили за эту работу две тысячи рублей. Рябушинский предлагает уступить за тысячу. Из письма госпожи Забеллы-Врубель: «Имея в виду беспомощность художника, потерявшего зрение, и глубокую потрясенность его жены тяжелыми жизненными невзгодами, может, Вы получили бы большое нравственное удовлетворение, разделив уступку попо-

лам, то есть заплатив за картину тысячу пятьсот рублей». Михаил Рябушинский отправил чек на... тысячу рублей. В тридцать лет он – директор Харьковского земельного и Московского коммерческого банков. Дело и искусство так переплелись в жизни Михаила, что опись картин его коллекции была обнаружена среди бумаг Московского коммерческого банка. В 1909 году он покупает у Саввы Морозова роскошный особняк на Спиридоньевской (архитектор Шехтель) и перевозит туда свою коллекцию. В том же году, вдохновленный примером бескорыстного служения отечественной культуре Павла Михайловича Третьякова, публично заявляет, что со временем передаст свое собрание Москве. В архиве Третьяковской галереи сохранился любопытный документ под названием «Картины и рисунки из собрания М.П.Рябушинского, принятые на временное хранение. Составлено 13 ноября 1917 года». 35 живописных работ отдал он под опеку национального музея, спасая их от смутного времени.

Верные себе, Рябушинские не покладая рук действуют. В период их харьковской жизни основывают мощный Юго-Центральный банк с филиалами в Одессе, Екатеринославле, Киеве. Они были уверены в том, что большевики – это ненадолго. И когда в эмиграции в 1924 году умирает Павел, руководство западными капиталами ложится на плечи Михаила. Ему 44 года. Он основал в Лондоне «Вестерн Банк». Из письма Сергея к Михаилу: «За пять лет нашего пребывания за границей нами потеряно 400 тысяч фунтов стерлингов. Осталось 100 тысяч. Возникновение наших дел имело случайный характер. Чего стоит весьма пагубное фантастическое решение открывать отделение во всех частях света для захвата мировой суконной торговли. Взяв на себя лидерство, ты принял тяжелую моральную ответственность: нас не погубить и не опозорить в деловом смысле». Михаил – Сергею: «Собери братьев и пусть решают, выгнать меня из дела или нет». По требованию братьев Михаил закрыл все американские дела, реорганизовал Французский банк, попросил лишь не трогать «Вестерн Банк», предмет его гордости. Однако экономическая депрессия свела на нет все титанические уси-

"Zolotoye Runo" ("The Golden Fleece") appeared with Nikolai Pavlovich Ryabushinski as its editor and publisher; such great names of belle lettres as Bunin, Balmont, Blok, Bely and Voloshin published their prose and poetry in this luxurious fine magazine which was recognized as a centre of Russian symbolism. One of his contemporaries wrote: "Nobody in Moscow took Nikola seriously, but he turned out to be cleverer than his other brothers, as he spent everything in his motherland". He was not poor in immigration in Paris, hid himself in Monte-Carlo during World War II, and ended his days in 1951 at the age of 74.

Another brother, Mikhail Pavlovich, started to collect painting when he was only twenty, and his collection made him probably the most notable and famous of all the brothers. Unlike Pavel, Nikolai and Dmitry, Mikhail was not a public person; serious bankers do not like publicity, and his wealth made him cautious and serious. At the age of thirty he was already the Director of the Kharkov Agrarian and Moscow Commercial Banks. Business and art mingled so closely in his life that the inventory of his art collection was found among his papers at the Moscow Commercial Bank.

Mikhail Pavlovich was really inspired by the example of Pavel Mikhailovich Tretyakov and he publicly announced that he would donate his collection to Moscow in due time. A very particular document is kept in the archive of the Tretyakov Gallery: "Paintings and drawings from the collection of M.P. Ryabushinski, taken for temporary storage. November 13 1917". He handed over 35 paintings to the surveillance of the national museum in an attempt to save them from potential danger at such a troubled time.

The Ryabushinskis were sure that the Bolsheviks would not remain in power for long. When, in 1924, Pavel died in immigration, the responsibility for the family investments passed to Mikhail, then aged 44, who founded the "Western Bank" in London. But the economic crisis and depression of the late 1920s was ruinous for this once powerful dynasty. At that time in Russia newspapers were "decorated" with sensational headlines: "The treasures of Ryabushinski are found!" The hidden cache – containing 40 paintings by the most renowned Russian

Прокопий Чирин. БОГОМАТЕРЬ КАЗАНСКАЯ
1606. Вологда. 31×24
Prokopii Chirin. OUR LADY OF KAZAN
1606. Vologda. 31 by 24 cm

artists, including Brullov, Tropinin, Serov, Vrubel, Bakst, Repin, and also a marble bust of Hugo by Gauguin, as well as pieces of oriental porcelain - was found. After the end of the World War his business was almost dead, and he had to take a job as assistant to an antiques dealer, later becoming an agent on art and antiques. Mikhail Pavlovich died at the age of 80 in a London hospital for the poor.

In 1904, soon after it was announced

АРХАНГЕЛ МИХАИЛ ИЗ ЧИНА. Новгородская школа
Вторая половина XIV в. 86×63
THE ARCHANGEL MICHAEL FROM THE DEESIS TIER
Novgorod School, the 2nd half XIV century, 86 by 63

that the brothers Wright in America had invented the aeroplane, the twenty two-year-old youth Dmitry Pavlovich Ryabushinski approached Nikolai Zhukovsky, an outstanding scientist in the field of aerodynamics, and offered his family estate as the location for an aerodynamic laboratory, the first of its kind organized in Europe.

In 1916 they tested a weapon which was to prove the beginning of contemporary reactive artillery. Dmitry devoted his life to science, and after the revolution he tried to save his creation, meeting on a number of occasions with Lunacharsky and the professor of the Moscow University and astronomer Shternberg, a member of the Communist Party. Ryabushinski's suggestion to nationalize the aerodynamic institute was adopted, and he was appointed an acting director. Soon Dmitry Pavlovich applied for permission to go to Denmark on a business trip, where he was kindly received by the director of the meteorological institute Mr. Lakur and the famous physicist Nils Bohr.

Dmitry Ryabushinski never returned to Russia. He continued his research work abroad, was elected a corresponding member of the French Academy of Science, lectured at the Sorbonne, and founded a scientific-philosophy society and the society for the preservation of Russian cultural values abroad. He died at the age of 80.

The youngest of all the brothers Fedor Pavlovich did not devote himself only to business matters. Impressed by the fact that Kamchatka – a peninsula as large as Prussia – was not explored, he initiated and organized a scientific expedition there. Despite his enthusiasm, preparations for the expedition turned out to be very complicated, with an absence of relevant literature, maps etc; in spite of all such difficulties the first Russian scientific-research expedition to Kamchatka took place and was a success. Fedor Pavlovich's dream was to organize a number of such expeditions to explore the whole of Siberia, but it was not to come to reality. What he did manage to do was to build a number of meteorological stations in Kamchatka, exploring – indeed discovering – the peninsula. In 1910 Fedor Pavlovich Ryabushinski died of tuberculosis at the age of 25.

The Ryabushinski's family tree flour-

ishing and completely razored a powerful dynasty. А в это время в России газеты за-трубили: «Сенсация! Найдены сокровища Рябушинского». В доме Михаила в Спиридоньевском расположился Бухарский дом просвещения. При перестановке шкафов был обнаружен тайник, а в нем сорок живописных работ русских художников – Брюллов, Тропинин, Серов, Врубель, Бакст, Репин, мраморный бюст Гюго работы Гогена, восточный фарфор. В 1937 году Михаил пишет брату Николаю из Лондона: «Ты знаешь, Николаша, что мне не хватает... Еда в хорошем ресторане, жизнь и путешествия в хорошей гостинице, тратить сколько хочу, не считая, сколько у меня в кармане... Жить в определенных рамках – это убивает всякую радость».

А вот письмо 1945 года – опять же Николаю: «Материально мои дела были очень плохи. Постепенно шел в этом отношении вниз. И вот однажды, с Божьей помощью, я посмотрел в окно антикара. Решил войти. Спросил, могу я взять образец старинного чайного сервиза (Рокихам). Антиквар согласился. Я поехал на базу в Вест-Энд, Бонд-стрит, вошел в известный антикварный магазин и предложил сервиз по образцу и моим сертификатам... Бондский антиквар купил. Я заработал свою первую комиссию – два с половиной английских фунта. Это было свыше трех лет назад. С тех времен дело у меня пошло и стало развиваться, я продолжаю как агент по старине и искусству. В душе моей удовлетворение, что я люблю свою работу. И встал на ноги опять, без всякой помощи со стороны».

Еще позже Михаил скажет: «Не нужно думать, что благословение Божье только в богатстве. Многих из нас когда-то Господь благословил богатством, а сейчас бедностью и даже нищетой. Это благословение, думается, еще выше». Михаил Павлович дожил до 80-ти лет и умер в Лондоне в больнице для бедных.

Декабрь 1903 года. Сенсационное сообщение о том, что американцы братья Райт подняли в воздух аппарат тяжелее воздуха. В один из осенних дней 1904 года к преподавателю Практической Академии коммерческих наук Николаю Егоровичу Жуковскому, крупней-

РОЖДЕСТВО БОГОМАТЕРИ. Новгородская школа (?)
Первая половина XIV в. 113×75
THE NATIVITY OF THE VIRGIN, the 1st half XIV century,
Novgorod School (?), 113 by 75

шему ученому в области аэродинамики, подошел 22-летний слушатель Дмитрий Рябушинский и предложил свою семейную усадьбу Кучино (ныне город Жуковский) для создания аэродинамической лаборатории. Так появилась первая в Европе лаборатория по аэродинамике.

Вскоре сотрудничество с Жуковским распалось, и все исследования проходили под руководством Дмитрия. В 1916 году в Кучино испытали безоткатное орудие системы «ракета в пушке», положившее начало современной реактивной артиллерии. Свою долю капитала Дмитрий из дела не изымал, но и в семейном бизнесе никак не участвовал, целиком посвятив себя науке. Когда был объявлен «красный террор», почти все Рябушинские перебрались в Харьков, занятый немцами, где у них был семейный банк. Вся их торгово-промышленная собственность была национализирована. В Харькове они пытаются восстановить фирму.

Вспоминает дочь Дмитрия Александра. Ей было семь лет, когда в их дом в Кучино, где был институт, ворвались красные. «С опущенными на глаза кепками, они топтали клавиши рояля, стреляли в хрустальные люстры и рвали портьеры на портянки». Самого Дмитрия Павловича в этот момент дома не было – он отлучился по делам в Москву.

После этого случая Рябушинский отправляет семью в Харьков, а сам остается, пытаясь спасти свое детище. «Я остался, чтобы защитить институт. Я отправился в учреждение, возглавляемое Луначарским, и говорил с профессором Московского университета астрономом Штернбергом, членом компартии. Мы говорили с ним довольно-таки откровенно. И помнится, что на мое замечание, что мои братья, организуя и развивая национальную промышленность, освобождают ее от иностранной зависимости и, следовательно, содействуют повышению уровня жизни всего населения, он ответил: «Мы сделаем это гораздо лучше». Мое предложение национализировать аэродинамический институт было принято. Я был назначен временно исполняющим обязанности заведующего». Институт был сохранен.

В разгар «красного террора» Дмитрий Павлович попросил командировку в Данию. «Приехав в Данию, я был радужно принят директором метеорологического института Лакуром и знаменитым физиком Нильсом Бором».

В Россию Рябушинский не вернулся. За границей он продолжал заниматься наукой, был избран членом-корреспондентом Французской Академии наук, преподавал в Сорбонне, основал научно-философское общество и Общество охраны русских культурных ценностей за рубежом. Он умер 80-летним стариком с эмигрантским паспортом, так и не пожелав сменить гражданство.

Самый младший из братьев, Федор Павлович, тоже не полностью отдавал себя торгово-промышленному делу. Он оставил о себе память как инициатор и организатор научной экспедиции на Камчатку. С целью лучшего ознакомления с Сибирью он пригласил А.А. Ивановского прочесть ему полный курс географии, антропологии и этнографии Сибири. Федор Павлович отнесся к этому курсу с необычайным интересом, немедленно приобрел рекомендуемые ему книги, карты и атласы. И в конце концов у него составила обширная библиотека по Сибири. В первой половине курса он очень заинтересовался Алтаем. Занимаясь восточными окраинами, он был абсолютно по-

ражен, насколько не изучена Камчатка, полуостров размером с Пруссию. Он стал деятельно готовить Камчатскую экспедицию. Дело оказалось сложным, потому что ни литературы, ни карт толком не было. Тем не менее первая Русская исследовательская экспедиция на Камчатку состоялась и была весьма успешной. Федор Павлович потратил на нее 200 тысяч рублей. Он мечтал покрыть сетью экспедиций всю Сибирь, выделяя на эти цели по 100 тысяч рублей в год. Он не успел осуществить этот план, равно как и план в отношении Алтая. Но он успел установить сеть метеостанций на полуострове. Федор Павлович Рябушинский скончался от туберкулеза в 1910 году. Было ему всего 25 лет.

Век с четвертью простояло воистину гениальное древо Рябушинских. Всего три поколения, а сколько сделано для России! Но и Россия была для них всё. В эмиграции братья Рябушинские, самое молодое и самое талантливое поколение, не стали глупее или менее деловиты. Они так и не научились жить для себя. Просто лишились почвы, и все потеряло смысл. Прозорливость, с которой ими воспринимались текущие события, поражает. Михаил Рябушинский писал: «Мы переживаем трагическое время. Декабрь 16-го года в истории России оставит память противоположности интересов родины и правительства. Темно будущее. Американцы взяли наши деньги, опутали нас колоссальными долгами, несметно обогатились. Расчетный центр перейдет из Лондона в Нью-Йорк. У них нет науки, искусства, культуры в европейском смысле, они купят у победенных стран их национальные музеи, за громадные оклады сманят к себе художников, ученых, деловых людей и создадут себе то, чего им не хватало. В России же, при анархии, нашей ближайшей целью будет сохранить по возможности все то, что уцелеет, и снова начать работу».

Древо срубили под корень. Но остались фабрики, заводы, храмы, банки, архитектурные творения, созданные по их идеям и на их средства, осталась коллекция икон, составляющая основу фонда Третьяковской галереи, живописные полотна, отданные музеям России. А в основе всего впитанное с молоком матери: «Все для дела – ничего для себя».

Виолетта Седова

ДМИТРИЙ ПАВЛОВИЧ РЯБУШИНСКИЙ
DMITRY P. RYABUSHINSKI

ФЕДОР ПАВЛОВИЧ РЯБУШИНСКИЙ
FEDOR P. RYABUSHINSKI

Автор выражает благодарность Елене Гальпериной за предоставленные материалы.

ished over only three generations, yet their contribution to the history and industrial and cultural development of Russia was incomparable. Russia meant everything to them: their kind motherland, their strict and demanding fatherland, their soil and ground. The Ryabushinskis were not successful abroad in the period of immigration which they had never desired. Deprived of their roots, everything became purposeless and meaningless. They did not know how to live only for themselves. Their foresight remains impressive to later generations. Thus Mikhail Ryabushinski wrote: "We are living in tragic times. December 1916 will enter the history of Russia as a period of discrepancy of interests between the motherland and the government. The future lies in darkness. The Americans received our money and grew rich, while we sank into the depths of incredible debt. They have no science, no art, no culture in the European meaning of the word, but they will buy up the national museums from the defeated countries, they will pay enormous sums of money to lure away artists, scientists and businessmen, and they will create what they do not have now. At the same time in Russia, in this period of anarchy, our only and nearest aim will be to preserve what will survive and to start everything anew".

They were millionaires but none of them ever thought to make investments abroad – to buy mansions in Nice or transfer funds to Swiss banks. In immigration they could think only about Russia and her future.

The Ryabushinski family tree was cut down. But their industrial enterprises, cathedrals, banks, and the architectural masterpieces created to their orders, on their money and according to their ideas, plans and artistic taste, remain as monuments to this great family. And their collection of icons which now comprises the core and basis of the Russian ancient art section in the Tretyakov Gallery, as well as numerous paintings distributed among a number of Russian museums, constitutes the unprecedented contribution of the Ryabushinskis to Russia's cultural heritage.

Viолетта Седова